



УДК 94(47).08
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156
EDN MMNPZC
Оригинальное исследование

Деятельность органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны

Сергиенко М.А. , Галушко И.Г. 

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Аннотация. Статья рассматривает деятельность органов местного самоуправления на территории Курской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Обобщается управленческая практика органов местного самоуправления в исследуемой сфере. Анализируются механизмы и результаты деятельности органов городского и земского самоуправления по устройству беженцев на территории Курской губернии. Определяются функции органов местного самоуправления по размещению беженцев на территории губернии. Характеризуются особенности работы по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам. Выявляются проблемы, связанные с организацией принудительного труда беженцев, особенности их содержания. Формулируются выводы относительно эффективности и специфики деятельности органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, органы земского самоуправления, Курская губерния, беженцы

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сергиенко М.А., Галушко И.Г. 2026. Деятельность органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 146–156. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156. EDN: MMNPZC

The Activities of Local Governments in Providing Assistance to Refugees in the Kursk Province during the First World War

Marina A. Sergienko , Inna G. Galushko 

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the activities of local governments in the territory of Kursk province to provide assistance to refugees during the First World War. The article summarizes the management practice of local governments in the field under study. The authors analyze mechanisms and results of the activities of city and zemstvo self-government bodies to settle refugees in the territory of Kursk province. The functions of local self-government bodies for the placement of refugees on the territory of the province are determined. The article describes the specifics of the work on involving refugees in agricultural work. The challenges associated with the organization of forced labor of refugees and the specifics of their detention are revealed. Conclusions are drawn regarding the effectiveness and specifics of the activities of local governments in providing assistance to refugees in the Kursk province during the First World War.

Keywords: World War I, local governments, city Duma, city council, zemstvo authorities, Kursk province, refugees

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Sergienko M.A., Galushko I.G. 2026. The Activities of Local Governments in Providing Assistance to Refugees in the Kursk Province during the First World War. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 146–156 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156. EDN: MMNPZC

Введение

С началом Первой мировой войны Российская империя столкнулась с рядом социальных проблем, в которых отдельно можно выделить проблему беженства. Если в период с лета 1914 года и до весны 1915 года беженство носило в основном добровольный характер, то наступление немцев в Галиции обозначило проблему принудительного выселения гражданского населения. Прибытие беженцев вызывало общественную обеспокоенность и ожидание роста социальной напряженности. Необходимо было разработать меры по организационно-правовому обеспечению беженцев, прибывающих во внутренние регионы Российской империи. Также требовалось решение вопроса по размещению и обеспечению хозяйственных нужд беженцев, прибывающих на территорию империи. На уровне губерний организацией размещения беженцев руководили губернаторы, но организация попечения и социальной помощи возлагалась на органы местного самоуправления.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов местного самоуправления по устройству беженцев на юге Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Методологическую основу исследования составили: общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Белгородской области, а также Государственного архива Курской области и опубликованными источниками.

Среди специальных работ регионального характера отдельные аспекты, связанные с прибытием и размещением беженцев на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны, рассматривались в работах А.Н. Курцева [Курцев, 1997], Ф.А. Гаврикова [Гавриков, 2022; Гавриков, 2023], Г.А. Салтык [Салтык, 2015]. При этом авторы уделяли внимание отдельным аспектам организации жизни городов в военных условиях, мерам помощи, оказываемым беженцам, в целом организации жизни городов в условиях военного времени. Вместе с тем требуется освещение региональной специфики, связанной с деятельностью органов местного самоуправления по реализации правительственной политики в сфере обеспечения нужд беженцев на территории юга Курской губернии в годы Первой мировой войны. Научная новизна работы определяется введением в научный оборот новых архивных документов.

Результаты и их обсуждение

События Первой мировой войны обозначили проблему притока иностранных граждан на территорию Российской империи. Причины массового отъезда мирного населения на территорию Российской империи были различными. А.Ю. Батурина отмечала: «Во-первых, население хотело обезопасить себя и как можно дальше уйти от районов боевых действий. Во-вторых, часть населения опасалась расправ со стороны австрийцев за связи с русскими. В-третьих, большое количество беженцев двинулось в Россию, так как русское командование хотело оставить австрийским войскам опустевшую территорию и отдало для этого соответствующие приказания» [Бахтурина, 2000, с. 188].



Многие из мирных жителей восприняли приказ об эвакуации в Россию как насильственную меру и пытались протестовать. Такие действия военной и гражданской администрации были вызваны в первую очередь требованиями военного времени, необходимостью максимально освободить район военных действий мирного населения. На территории Российской империи оказались десятки тысяч беженцев из Галиции, которых необходимо было устраивать, обеспечивать жильем и питанием. Уже в начале июня 1915 г. обнаружилось грандиозные размеры движения беженцев на российскую территорию. Оно приняло стихийный и беспорядочный характер. В сложившейся ситуации ни военная, ни гражданская администрация не имели должной возможности организовать необходимые мероприятия по устройству, медицинскому обслуживанию и организации продовольствия огромных масс беженцев. «По данным периодической печати, к августу 1915 г. число беженцев было приблизительно 100 тыс. чел.» [Бахтурина, 2000, с. 195]

Всего, по данным статистического отдела Комитета великой княжны Татьяны Николаевны, итоговая численность беженцев на территории Российской империи к лету 1917 г. составляла 3,2 млн чел. [Курцев, 1999, с. 100]

«Участники стихийного беженского движения получали эпизодическую помощь (питание, лечение и т. д.) сначала только от местной администрации и органов самоуправления, а затем и через учрежденный императором 14 сентября 1914 г. «Комитет Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий» [Лахарева, 2001, с. 17]. Важнейшую роль в оказании помощи беженцам сыграли такие организации, как Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС) и Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ).

12 августа 1914 года последовало высочайшее соизволение на разрешение деятельности Всероссийского земского союза. Земский союз представлял собой общественную организацию. Основными элементами административной организации Союза были центральный орган объединения земств, губернский и уездный комитеты. Центральным распорядительным органом служило собрание представителей земств – по два от каждой губернии: одного, избранного губернским земским собранием из среды губернских гласных, и одного представителя управы по выбору управской коллегии. Собрание земских представителей происходило в Москве. Как отмечает В.Н. Шевырин, «Функции постоянного комитета заключались в разработке организационных вопросов, входящих в круг деятельности вопросов и практической работе, которая была непосильна для местных организаций. Центральное управление Союза включало в себя отделы эвакуации, заготовительный, санитарный и ряд других» [Шевырин, 2000, с. 17].

«Союз городов был основан на тех же правах, что и Земский союз. Создавалось своеобразное городское земство, объединяющее миллионы городского населения. Исполнительным органом союза являлись главноуполномоченный и комитет из десяти человек, избранный съездом городских голов» [Китанина, 1985, с. 53].

По мнению А.Ю. Бахтурина, «30 июля 1915 г. в Министерстве внутренних дел состоялось совещание, которое было созвано после того, как в Государственной Думе ряд ее членов высказались за издание закона о беженцах. В МВД был выработан текст законопроекта и вынесен на обсуждение совещания. На совещании были затронуты такие вопросы: какие учреждения будут заниматься устройством беженцев и какие группы населения можно отнести к категории беженцев» [Бахтурина, 2000, с. 197]. Для участия в помощи беженцам были привлечены Красный крест, Комитет великой княжны Татьяны Николаевны, который был образован 14 сентября 1914 г. [Курцев, 1999, с. 98].

Как отмечала Н.В. Лахарева, «С 10 сентября 1915 г. начало работу "Особое совещание по устройству беженцев" с функциями "высшего" государственного коллегиального органа в отношении всех нужд беженцев. Размещалось оно в Петрограде при МВД (рабочим органом самого МВД стал "Отдел по устройству беженцев" на правах временного департамента).

На регулярных заседаниях особого совещания председательствовали руководители МВД (главным образом – товарищи министра), участвовали председатели обеих законодательных палат, Всероссийского земского и городского союзов, практически всех министерств и общественных организаций, в т. ч. национальных. Одним из первых решений Особого совещания явилось введение в России ежемесячного «пайкового» довольствия беженцев из государственных средств с нормой продовольственного «пайка» не свыше 20 коп. в день на человека» [Лахарева, 2001, с. 16].

«На местах осенью 1915 г. открылись ”Губернские совещания по устройству беженцев“ под руководством губернаторов, а также различные низовые учреждения в уездах и городах, иногда – волостные и сельские. Вся деятельность этой государственно-общественной ”вертикали“ беженских учреждений финансировались государственным казначейством. Особое место занимала система ”Главноуполномоченных по устройству беженцев“, которая непосредственно подчинялась Отделу по устройству беженцев МВД, находилась под общим контролем Особого совещания по устройству беженцев» [Лахарева, 2001, с. 17].

По мнению Т.М. Китаниной, «Однако центра управления беженцами не получилось. И на созванном председателем Совета министров Б.В. Штюрмером в мае-июне 1916 г. совещании губернаторов, где среди прочих рассматривался вопрос о положении беженцев, вновь была поднята эта проблема. Определив как зло хозяйничанье многочисленных организаций, в том числе Общеземского союза, совещание губернаторов высказалось за распределение основных функций по содержанию беженцев между органами министерства, земством и городами» [Китанина, 1985, с. 55].

«Изданный в начале 1916 г. циркуляр А.И. Хвостова весьма изменил содержание закона 1915 г. о беженцах, передав попечительство над ними из рук земств и городских самоуправлений губернаторам, то есть под контроль Министерства внутренних дел» [Китанина, 1985, с. 59].

По утвержденному правительственному плану расселения беженцев из района военных действий Курская губерния была назначена для приема исключительно беженцев волынцев и галичан. «В губернию прибывало большое количество беженцев с северо-западного фронта, которые направлялись в Пензу или Тамбов. Они не могли рассчитывать на право бесплатного проезда до места назначения и услуги врачебно-питательного пункта» [Урпанис, 1998, с. 219]. Массовое прибытие беженцев в Курскую губернию началось в июле-августе 1915 г., достигло максимума в сентябре-октябре, завершилось в ноябре-декабре того же года. Курское губернское совещание по устройству беженцев определило «общее число беженцев» в губернии на 1 августа 1916 г. в 86 850 чел., из которых 83 594 чел. (96,2 %) являлись «призреваемыми», а 3 286 чел. (3,8 %) призрению не подлежали. Однако приведенные данные несколько занижают реальную численность беженцев, т. к. местные власти регистрировали прежде всего «нуждающихся» в пайковой помощи, но далеко не всегда учитывали контингент эвакуированных государственных служащих с членами их семей и вообще «состоятельных» беженцев, поскольку они не получали или не нуждались в мизерных «пайках», выдаваемых «простонародью» [Лахарева, 2001, с. 17].

По архивным источникам, «В Циркуляре губернского совещания по устройству беженцев 12 сентября 1916 г. сказано, что в Курскую губернию будет эвакуировано до 700 тысяч волынцев»⁷⁹. Перед комитетом возникла проблема расселения такой массы беженцев по уездам губернии, а также создания сети питательных пунктов для прибывающих беженцев.

Немаловажным являлась организация связи между губернским комитетом и местными органами, так как только совместная деятельность представителей дворянства, земств, городов, железнодорожного ведомства могла быть продуктивной. Система беженских органов сложилась в Курской губернии к началу 1916 г. и успешно функционировала до октября 1917 г. Общее руководство беженским делом осуществляло Курское губернское совещание по

⁷⁹ Государственный архив Курской области (ГАКО.) Ф. 39. Оп. 1. Д. 1037. Л. 93.



устройству беженцев. Принципиальные решения принимались коллегиально на его периодических заседаниях, проходивших под личным председательством главы «губернской администрации». Постоянной работой оперативного характера занималась особая «канцелярия» с небольшим штатом сотрудников под бессменным и деятельным руководством «заведующего делами» Сопровождающего эвакуированного служащего польского происхождения В.П. Костюшко. В губернии основная масса беженцев обслуживалась местным самоуправлением. Рабочими органами земских и городских управ вступили беженские «Комитеты» под разными названиями. Образование первых общеуездных комитетов помощи беженцам происходило под руководством уездных предводителей дворянства, но с 1916 г. работу большинства таких учреждений возглавили председатели уездных земских управ. В некоторых уездах Комитеты создали волостные структуры [Лахарева, 2001, с. 18].

Население Курской губернии благожелательно встретило прибывающих беженцев. Земский начальник Дмитриевского уезда А.А. Линдерер письмом на имя Дмитриевского Уездного предводителя дворянства сообщал, что «все крестьяне охотно предоставляют беженцам квартиры совершенно бесплатно»⁸⁰. Также в уездах создавались особые комитеты, собирающие пожертвования для оказания помощи беженцам. Например, в Слоновской волости Новооскольского уезда в здании волостного правления установили кружку с надписью «в пользу беженцев», также производили кружечный сбор на ярмарках, а в здании водяной мельницы расположили кадку для ссыпки добровольных пожертвований муки в пользу беженцев. Все эти мероприятия отражали настроение жителей губернии в стремлении помочь устройству беженцев⁸¹.

Для облегчения работы по розыску беженцев и для их учета в регистрационном бюро губернского земства, а также в Курском полицейском управлении велись поименные списки прибывающих в Курскую губернию. Для этого на каждого беженца заводилась регистрационная карточка.

Заполнение регистрационных карт значительно облегчало не только поиск и учет прибывающих в Курскую губернию беженцев, но и расчет суммы денег, необходимых для выдачи продовольственного пайка. Прибывающие в Курскую губернию беженцы часто имели у себя на руках различного рода квитанции: реквизиционные или полученные за работы, произведенные в условиях военного времени. Насущной необходимостью для беженцев, испытывающих нужду, являлось скорейшее получение уплаты за них. Вследствие этого губернским Сопровождающим по делам беженцев от 15 ноября 1915 г. было решено привлечь к решению этой проблемы земских начальников⁸².

Каждая беженская семья, осевшая на территории губернии, имела право на получение бесплатного продовольственного пайка. Делопроизводство по выдаче пайка, а также по составлению смет ложилось на уездные земства и городские управы, которым переводились соответствующие кредиты из губернского комитета. Кроме продовольственного пайка, беженцам выплачивалось квартирное довольствие, включаемое в общий размер данного пайка.

Однако право получения пайка предоставлялось не всем беженцам. Согласно «Положению по устройству беженцев» МВД от 1 марта 1916 г., «из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь получали: 1) дети до четырнадцати лет включительно; 2) нетрудоспособные беженцы» 3) один из нетрудоспособных членов семьи, вынужденный оставаться при детях в целях присмотра; 4) принятые на сельскохозяйственные работы». Получающие иной заработок, а также уклоняющиеся от сельскохозяйственных работ также непременно снимались с пайка.

Согласно новому положению, принятому Особым совещанием 1 августа 1916 г., произошли следующие изменения: теперь продовольственную и квартирную помощь

⁸⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

⁸¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.

⁸² ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 41.

получали дети до 14 лет, нетрудоспособные и трудоспособные члены семьи, присматривающие за детьми. Остальные беженцы, равно и те, которые поступили на сельскохозяйственные работы, с 1 октября 1916 г. должны были быть сняты с продовольственного и квартирных пайков. Данное положение было выработано с целью активизации процесса подыскания платных заработков трудоспособными, но еще не работающими беженцами.

Размер пайка определялся по расценке той местности, куда прибыла беженская семья. Его стоимость складывалась из стоимости ряда основных продуктов, таких как мука, крупы, соль и подсолнечное масло. Так, по сообщению Белгородского уездного попечительства по призрению семейств нижних чинов в декабре 1916 г. 1 пуд ржаной муки стоил 1 руб. 80 коп., 1 фунт гречневой крупы стоил 10 коп., фунт соли – 2 коп., фунт подсолнечного масла – 60 коп.⁸³ Согласно расценкам, с 1 декабря 1916 г. губернским присутствием был утвержден паек в размере 4 руб. 60 коп. Это в достаточной мере компенсировало затраты беженцев на продукты в том случае, если члены семьи получали паек. При подорожании продуктов уездные попечительства пересматривали размер пайка. Так, в мае 1917 г. расценки на продукты выглядели следующим образом: пуд ржаной муки – от 3 руб. до 3 руб. 45 коп.; фунт гречневой крупы – от 15 коп. до 18 коп.; фунт соли – 2 коп. и фунт подсолнечного масла – от 80 до 85 коп.⁸⁴

В сентябре 1917 г. паек, выдаваемый в порядке закона от 25 июня 1912 г., был увеличен до 15 руб. 15 коп. в связи с подорожанием⁸⁵. Однако денежный кризис в стране привел к обратному постановлению, согласно которому с 15 января 1918 г. паек выдавался в размере 8 руб. 10 коп., как и в мае 1917 г.⁸⁶ В ноябре 1918 г. выдача пайка была прекращена с предполагаемой разработкой нового закона, согласно резолюции МВД от 2 октября 1918 г.

Кроме губернских и уездных попечительств, устройством беженцев на территории Курской губернии занималось Отделение комитета Великой княгини Татьяны Николаевны. Данный комитет был создан в начале войны для оказания помощи раненым, больным воинам и беженцам. Несмотря на предпринимаемые меры, положение беженцев оставалось тяжелым, а оказание помощи им требовало все больше затрат.

Февральская революция 1917 г. в основном не изменила систему беженских органов в центре и на местах. Скажем, руководство в губернских совещаниях по устройству беженцев перешло от отстраненных губернаторов к губернским комиссарам. Фактически сохранился даже Татьянинский комитет, но под другим названием – «Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны». Должности фронтовых и тыловых Главноуполномоченных по устройству беженцев были ликвидированы за ненадобностью весной 1917 г. [Лахарева, 2001, с. 19].

Также в апреле 1917 г. произошли изменения в определении категории лиц, имеющих право на паек. Как и ранее, беженцы, признанные трудоспособными, пайка не получали. Теперь нетрудоспособными признавались: больные, дети до 15 лет, взрослые старше 55 лет. Кроме того, паек получал один из членов семьи, если в семье имелись малолетние. Дети до 5 лет получали 1/2 пайка. Полный паек назначался в сумме 7 р. 10 коп., а квартирные – в размере 3 руб. на семью повсеместно.

В связи с необходимостью расширения оказания помощи беженцам на экстренном заседании Курского губернского земского собрания 19 апреля 1917 г. был поднят вопрос о присоединении к Всероссийскому земскому союзу, а также к Красному Кресту. В качестве вступительных взносов решено было передать имущество лазаретов и подвижных перевязочных пунктов, которые представляли громадную ценность. Кроме того, было указано, что фактически Красный Крест задолго до этого вел все дела лазарета. Врачи, сестры,

⁸³ ГАБО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 47.

⁸⁴ ГАКО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1038. Л. 143.

⁸⁵ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 183.

⁸⁶ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 193.



санитары приглашались Красным Крестом, от него же поступали материальные средства. Таким образом, произошло слияние Курской организации помощи раненым и больным воинам с Всероссийским земским союзом. Это расширило возможности оказания помощи беженцам на территории губернии.

По мнению Н.В. Лахаревой, «После Октября 1917 г. началось свертывание старой системы беженских органов. Необходимость решения проблем огромного числа беженцев привела к образованию негосударственного Всероссийского союза беженцев, который успел в сентябре и октябре 1917 г. провести два Всероссийских съезда. У названной организации имелся даже свой печатный орган – еженедельный журнал "Беженская правда", выходявший до конца 1919 г. Исполнительный Комитет съезда действовал до лета 1918 г.» [Лахарева, 2001, с. 19].

Как отмечалось выше, одной из важнейших проблем в годы Первой мировой войны была проблема недостатка в рабочей силе. Важное значение в этом случае для помещичьего хозяйства имело привлечение к труду беженцев. По данным А.М. Анфимова, в 1916 г. в помещичьих хозяйствах из общего числа занятой рабочей силы беженцы составляли 99 тыс. человек [Анфимов, 1961, с. 97]. Всего же на сельскохозяйственных работах в 1916 г. эксплуатировалось до 240 тыс. беженцев [Анфимов, 1961, с. 99]. Подавляющее число беженцев, как и военнопленных, поступало в хозяйства крупных землевладельцев. Т.М. Китанина подчеркивала: «Их труд особенно широко использовался в местностях, близких к прифронтовой полосе. Причем условия найма беженцев определялись стихийно, без какого бы то ни было учета и квалификации, а порой и профессии. Иного положения и быть не могло, ибо условия труда беженцев мало кого интересовали» [Китанина, 1985, с. 55].

«Уездным земским управам вменялось в обязанность широко оповещать беженцев о местах наибольшей нужды в сельскохозяйственных рабочих, о ближайшем сроке весенних работ и об установившейся примерной заработной плате. Управы должны были выступать посредниками в вопросах найма, содействовать беженцам. Желаящие составили артели для выгодного использования своего труда» [Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, 1967, с. 33]. Также земства должны были усилить меры попечения о семьях, оставляемых беженцами на время работ.

Для того чтобы стимулировать, привлечь приток беженцев на сельскохозяйственные работы, каждому, независимо от признания трудоспособным или нет, сохранялось пособие от казны. В архивных материалах отмечается, что «В феврале 1916 г. министр земледелия А.И. Наумов в послании губернским и уездным управам признавал важность вопроса о привлечении к сельскохозяйственному труду беженцев, число которых достигло 3 млн»⁸⁷.

Необходимо отметить, что труд беженцев фактически имел принудительный характер. Проживавшие и растерявшие в дороге свое имущество, они не могли существовать на скудные пайки, выдаваемые властями, и искали посильные заработки.

Беженцев, прибывающих на территорию Курской губернии, активно привлекали на сельскохозяйственные и оборонительные работы. Курский Комитет Всероссийского союза городов в декабре 1915 г. сообщал уездным земским управам, что по предложению Военного ведомства формировались инженерные дружины для работ на фронтах⁸⁸. Для дружин требовались рабочие, землекопы и плотники в возрасте от 40 лет и выше. Беженцам при десятичасовом рабочем дне предлагалась плата: землекопам – 1,5 коп., плотникам первой руки – 2,5 коп., второй – 2 коп. на полном готовом содержании⁸⁹. Срок работы устанавливается не менее 6 месяцев, лишь в крайнем случае – в 4 месяца. Если учесть, что ежемесячный паек беженцам в декабре 1915 г. исчислялся в размере 4 руб. 50 коп., то месячная

⁸⁷ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 25. Л. 65.

⁸⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

⁸⁹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

заработная плата от 4 руб. 50 коп. до 7 руб. 50 коп. при полном содержании представляла собой значительную поддержку для семьи⁹⁰.

Из-за недостатка рабочих рук для предстоящих сельскохозяйственных работ уездным управам вменялось в обязанность выяснить количество беженцев, желающих поступить на работу. При этом все желающие должны были сообщать, какую именно работу они хотели бы получить и размер месячной оплаты за нее. Но указывалось, что заявленные непомерные цены за работу могут рассматриваться как уклонение от нее, что автоматически приведет к снятию пайка⁹¹. Беженцам же, поступившим на работы, обещано было помочь в приобретении одежды и обуви, если ее отсутствие мешало приступить к работе.

Для того чтобы вести учет лиц, используемых в сельскохозяйственных работах, уездными управами заполнялись специальные запросные листки о беженцах. Выглядели они следующим образом: а) Ф.И.О. беженца; б) место прописки; в) место настоящего жительства⁹².

Так как посредниками найма беженцев выступали земские управы, то домохозяева, желающие иметь у себя рабочих беженцев, должны были направлять прошение именно в управы. При этом землевладельцы непременно должны были указывать количество беженцев, необходимых для работ, и срок, на который они потребуются. Однако помещики не спешили привлекать беженцев к работам, предпочитая им военнопленных.

Это объясняется тем, что беженцы юридически были признаны гражданами Российской империи и к ним нельзя было применять административные меры наравне с военнопленными. К тому же оплачивался труд пленных ниже, чем беженцев, что делало их работу более выгодной для помещиков. И все же государство проявляло особую заботу о рабочей силе в помещичьих хозяйствах, направляя в них большую часть беженцев.

С начала 1918 г. прежние органы, ведавшие устройством беженцев, были расформированы. Вместо них при исполкомах были образованы губернские и уездные Советы помощи беженцам.

Бедственное положение беженской массы, особенно стариков, калек, детей и вообще нетрудоспособных, ухудшилось еще и тем, что с начала 1918 г. центральные власти прекратили отпуск средств на выдачу продовольственного и квартирного пайков⁹³. Это решение вызвало новый всплеск болезней на почве голода и крайнее физическое истощение среди беженцев. Власти опасались, что голод толкнет доведенных до отчаяния беженцев на преступления⁹⁴.

Кроме того, сочувственное отношение к беженцам со стороны местного населения под влиянием времени, политических изменений, экономического кризиса и многих других причин сменилось в лучшем случае полным равнодушием, в большинстве же случаев недружелюбием и даже враждебностью. Местное население не принимало беженцев на работы и выживало их из заселенных квартир. Причем в некоторых селениях даже местные власти, призванные заботиться о беженцах, относились к ним пристрастно, не выдавали им карточек на право приобретения продовольственных продуктов. Это в условиях прекращения выплат пайков было равносильно голодной смерти. В связи с этим Губернский Исполнительный Комитет настоятельно просил Уездные Советы Народных Комиссаров (УСНК) принять все меры к тому, чтобы беженцы в полной мере снабжались продовольственными карточками, чтобы домохозяева не выселяли их из занимаемых квартир⁹⁵. С 1917 г. наблюдалось неудержимое желание беженцев вернуться на свою Родину. В связи с эвакуацией беженцев на родину им необходимо было представить достаточное количество перевозочных средств для доставки на железнодорожные станции и снабдить

⁹⁰ ГАБО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

⁹¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 14.

⁹² ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

⁹³ ГАБО. Ф.Р.-528. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁹⁴ ГАБО. Ф.Р.-528. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁹⁵ ГАБО. Ф.Р.- 528. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.



сухими продуктами питания на время пути. Решение данного вопроса ложилось на УСНК, которые делали все возможное для транспортировки беженцев. Решение об обратном водворении беженцев было принято еще в октябре 1917 г., но в реальности этот процесс растянулся до 1925 г. [Курцев, 1997, с. 103].

Заключение

Для устройства беженцев на территории губернии со стороны органов местного самоуправления делалось все возможное, но обстоятельства военного времени, экономический кризис страны не дали возможности в полной мере обеспечить их всем необходимым. Поэтому к концу войны положение беженцев не только не улучшилось, но и стало намного тяжелее.

Список источников

- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 101. Помощник начальника губернского жандармского управления в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском и Новооскольском уездах. Оп. 1. Оп. 1. Д. 103.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 14.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 15.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 18.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 21.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 22.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 25.
- ГАБО. Ф. 24. Корочанская уездная земская управа. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1.
- ГАБО. Ф.Р. – 528. Новооскольский исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 21.
- ГАБО. Ф.Р. – 528. Новооскольский исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 25.
- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 39. Курская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 1037.
- ГАКО. Ф. 39. Курская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 1038.

Список литературы

- Анфимов А.М. 1961. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Москва, Соцэкгиз, 383 с.
- Батавина М.А., Гавриков Ф.А. 2023. Национальный вопрос в городах Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-vopros-v-gorodah-kurskoy-gubernii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.11.2025)
- Бахтурина А.Ю. 2000. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. Москва, «АИРО-XX», 264 с.
- Гавриков Ф.А. 2022. Главы городов Черноземья в годы Первой мировой войны. *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.08.2025)
- Гавриков Ф.А. 2022. Организация жизни городов Курской губернии в условиях Первой мировой войны. *Современная научная мысль*. 2: 53–59.
- Гавриков Ф.А. 2022. Роль городов Курской губернии в организации размещения больных и раненых воинов, беженцев и военнопленных, а также помощи фронту и семьям призванных во время Первой мировой войны. *Современная научная мысль*. 4: 53–59.
- Китанина Т.М. 1985. Война, хлеб и революция. Ленинград, Наука: Ленингр. отд-ние, 384 с.
- Курцев А.Н. 1997. Беженцы I мировой войны в Курской губернии: 1914–1917. В: Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых. Курск, Б.и.: 33–64.
- Курцев А.Н. 1999. Беженцы Первой мировой войны в России. *Вопросы истории*. 8: 98–113.

- Лахарева Н.В. 2001. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны в Советской России с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, Б.и., 204 с.
- Салтык Г.А. 2015. Военный шпионаж в российской провинции в годы Первой мировой войны. По материалам Государственного архива Курской области. В: Первая мировая: Неоконченная война: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки». Москва, 18 июня 2014 г. Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост. И.А. Анфертьев. Москва, РГГУ: 205–224.
- Урпанис Б.Ц. 1998. История военных потерь. Санкт-Петербург, АОЗТ «Полигон», 558 с.
- Шевырин В.М. 2000. Земский и Городской союзы: 1914–1917. Москва, ИНИОН РАН, 63 с.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1967. Ч. 3: Сельское хозяйство и крестьянство. Под. ред. Анфимова. Москва, Ленинград, Изд-во Акад. наук СССР, 540 с.

References

- Anfimov A.M. 1962. Rossiyskaya derevnya v gody pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) [The Russian Village during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Sotsekgiz, 383 p.
- Batavina M.A., Gavrikov F.A. 2023. Natsional'nyy vopros v gorodakh Kurskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [The National Question in the Cities of Kursk Province during the First World War]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic journal of Kursk State University]. 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-vopros-v-gorodah-kurskoy-gubernii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
- Bakhturina A.Yu. 2000. Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody pervoy mirovoy voyny [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow, «AIRO-XX», 264 p.
- Gavrikov F.A. 2022. Glavy gorodov Chernozem'ya v gody Pervoy mirovoy voyny [Heads of the Cities of the Black Earth Region during the First World War]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Journal of Kursk State University]. 2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
- Gavrikov F.A. 2022. Organizatsiya zhizni gorodov Kurskoy gubernii v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny [Organization of Life in the Cities of the Kursk Province during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 2: 53–59.
- Gavrikov F.A. 2022. Rol' gorodov Kurskoy gubernii v organizatsii razmeshcheniya bol'nykh i ranenyykh voynov, bezhentsev i voennoplennykh, a takzhe pomoshchi frontu i sem'yam prizvannykh vo vremya Pervoy mirovoy voyny [The Role of the Cities of Kursk Province in Organizing the Accommodation of Sick and Wounded Soldiers, Refugees and Prisoners of War, as Well as Assistance to the Front and the Families of those Called up during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 4: 53–59.
- Kitanina T.M. 1985. Voyna, khleb i revolyutsiya [War, Bread and Revolution]. Leningrad, Nauka: Leningr. otd-nie, 384 p.
- Kurtsev A.N. 1997. Bezhentsy I mirovoy voyny v Kurskoy gubernii: 1914–1917 [Refugees of World War I in Kursk Province: 1914–1917]. V: Kurskie tetradi: Kursk i kuryane glazami uchennykh [In: Kursk Notebooks: Kursk and the Kursk People through the Eyes of Scientists]. Kursk, B.i.: 33–64.
- Kurtsev A.N. 1999. Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii [Refugees of the First World War in Russia]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 8: 98–113.
- Lakhareva N.V. 2001. Reevakuatsiya bezhentsev Pervoy mirovoy voyny v Sovetskoy Rossii s territorii Kurskoy gubernii (1918–1925 gg.) [Re-Evacuation of Refugees of the First World War in Soviet Russia from the Territory of the Kursk Province (1918–1925)]. Kursk, B.i., 204 p.
- Saltyk G.A. 2015. Voennyi shpionazh v rossiyskoy provintsii v gody Pervoy mirovoy voyny. Po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti [Military Espionage in the Russian Provinces during the First World War. Based on Materials from the State Archives of the Kursk Region]. V: Pervaya mirovaya: Neokonchennaya voyna: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii,



posvyashchennoy 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. «Problemy poiska i publikatsii rossiyskikh i zarubezhnykh istochnikov o Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg. na sovremennom etape razvitiya istoricheskoy nauki» [In: The First World: The Unfinished War: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Outbreak of the First World War 1914–1918. "Problems of Searching and Publishing Russian and Foreign Sources on the First World War 1914–1918 at the Present Stage of Development of Historical Science"]. Moscow, 18 iyunya 2014 g. Otv. red. E.I. Pivovarov; sost. I.A. Anfert'ev. Moskva, RGGU: 205–224.

Urpanis V. Ts. 1998. Istoriya voennykh poter' [History of Military Losses]. Saint Petersburg, AOZT «Poligon», 558 p.

Shevyrin V. M. 2000. Zemskiy i Gorodskoy soyuz: 1914–1917 [Zemstvo and City Unions: 1914–1917]. Moscow, INION RAN, 63 p.

Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The Economic Situation of Russia on the Eve of the Great October Socialist Revolution]. 1967. Ch. 3: Sel'skoe khozyaystvo i krest'yanstvo [Part 3: Agriculture and the Peasantry]. Pod. red. Anfimova. Moskva, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 540 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2025

Received 19.01.2025

Поступила после рецензирования 18.02.2026

Revised 18.02.2026

Принята к публикации 21.02.2026

Accepted 21.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сергиенко Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9142-9926](https://orcid.org/0000-0001-9142-9926)

Галушко Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3547-8560](https://orcid.org/0000-0002-3547-8560)

Marina A. Sergienko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Inna G. Galushko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia